

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИС-
СЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК СРЕДСТВА ПРЕЗЕН-
ТАЦИИ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО И РЕЧЕ-
ВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА
АДРЕСАТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031654
Кузнецовой Марии Александровны

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент Левина Э.М.

Рецензент
преподаватель МБУ ДО «Детская
школа искусств поселка Майский
Белгородского района
Белгородской области»
Стручалина Г.В.

БЕЛГОРОД 2019

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические аспекты изучения модальных слов как языковых средств при презентации точки зрения говорящего и речевого воздействия на адресата в художественной речи	
1.1. История вопроса происхождения модальных слов.....	7
1.2. Категория модальности. Виды модальности.....	16
1.3. Антропоцентрический фактор употребления модальных слов в художественной речи.....	23
Глава 2. Анализ функционирования модальных слов как языковых средств при презентации точки зрения говорящего и средств речевого воздействия на адресата	
2.1. Особенности использования модальных слов при презентации точки зрения говорящего.....	37
2.2. Специфика употребления модальных слов в художественной речи в целях воздействия на адресата.....	42
2.3. Принципы развития модального компонента речи на уроках русского языка.....	50
Заключение.....	54
Список литературы	56
Приложения	61

Введение

Актуальность выбранной темы выражается в нескольких аспектах. Во-первых, категория модальности вызывает все больший интерес у современных лингвистов. Модальность представляет собой многоаспектное явление, поэтому ее сущность раскрывается в лингвистической литературе посредством различных мнений. О составе и языковой природе этой категории высказывается масса противоречивых точек зрения. О.Н. Лагута указывает, что «Модальность (лат. *modus* – ‘мера, способ’) – это явно или неявно выраженная в суждении дополнительная информация о характере зависимости между реальными явлениями, о логическом статусе суждения, об оценочных, регулятивных, временных и других его характеристиках. Модальными можно считать все суждения, выражающие живые законы науки» [Лагута 2000: 35]. В неразрывной связи с категорией модальности рассматриваются и модальные слова.

Во-вторых, современные лингвистические исследования характеризуются развитием антропоцентрической направленности. Сущность модальности, относительно этого аспекта, определяется участием субъекта в процессе коммуникации, отражением объективной действительности в речи. По словам В.В. Виноградова: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложений и выражающих одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [Виноградов 1927: 94-96].

Наблюдается увеличение интереса и к анализу текста как произведения художественной речи, которое характеризуется структурно-смысловой целостностью. При этом учитываются различные уровни его организации (прагматика, семантика, структура), функции, экстралингвистические параметры, которые играют важную роль в его порождении и восприятии. К та-

ким параметрам относят соотносённость с реальностью, творческую судьбу автора, культурный контекст, фоновые знания.

В-третьих, происходит развитие изучения функционирования МС в художественной речи. Детальное рассмотрение данной темы исследования позволит выявить значимость, раскрыть важнейшие особенности модальных слов, как единиц речевой коммуникации.

Исходя из вышесказанного, **тема** данной выпускной квалификационной работы – «Модальные слова как средства при презентации точки зрения говорящего и речевого воздействия на адресата в художественной речи».

Объект исследования – модальные слова, особенности их функционирования в художественной речи.

Предмет исследования – возможность и целесообразность применения модальных слов в художественной речи в качестве средств презентации точки зрения говорящего и средств речевого воздействия на адресата.

При подготовке работы использовался языковой материал художественных литературных произведений XIX-XX вв. Рассматривались произведения Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, М.А. Шолохова и других. Фактический материал составил 19 источников, из которых было выбрано 32 лексемы.

Цель выпускной квалификационной работы – выявление функциональных особенностей модальных слов как средств при презентации точки зрения говорящего и речевого воздействия на адресата в художественной речи.

Реализация поставленной цели требует решения следующих **задач**:

1. раскрыть понятие «модальные слова», изучить их семантические группы, функции;
2. выявить антропоцентрический фактор, степень воздействия модальных слов в речевом процессе;
3. раскрыть понятие «категория модальности» и ее содержание;

4. рассмотреть особенности функционирования модальных слов в художественной речи, применительно к отношениям говорящий-адресат.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общеполитические принципы, представляющие категорию модальности как обязательный конституирующий признак высказывания, универсальную языковую категорию: концепция Ш. Балли, по мнению которого: «модальность – это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта, а также концепции В.З Панфилова, В.В. Виноградова, В.Н. Мещарекова «о делении модальности по типам».

Теоретическую основу исследования составили труды как по общей теории модальности, так и по теории модальности, применительно к художественной речи (Л.Г. Барлас, М.М. Бахтина, А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, О.Е. Вихрян, Н.С. Валгиной, И.Р. Гальперина, В.В. Гиппиуса, И.П. Ильина, В.В. Кожина, Б.О. Кормана, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, М.В. Ляпон, В.А. Масловой, М.Г. Милутиной, Е. В. Падучевой, Е.А. Поповой, В.И. Тюпа и др.), которые посвящены модальности текста, проблеме соотношения понятий «автор», «образ автора», «авторская модальность».

Методы исследования. В первой главе данной выпускной квалификационной работы основным методом является описательный. Он используется для раскрытия модальных слов в их структурном, смысловом и коммуникативном аспектах.

Во второй главе мы определяем сущностные характеристики МС посредством метода лингвистического эксперимента. Так же нами используется метод индукции, теоретического анализа и синтеза, качественной обработки данных, сравнения, обобщения, классификации.

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что модальные слова, выступая как средства презентации точки зрения говорящего и воздействия на адресата, используются не только в разговорной, но и в художественной речи, сохраняя при этом свои функции.

Научная новизна работы определяется в процессе анализа примеров функционирования МС в языковом окружении, которое им несвойственно, т.е. в художественной речи.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что представленный анализ функциональных возможностей модальных слов раскрывает их роль в речевом акте, представляет интерес для теории текста, поскольку обогащает знания о категориях, имеет значение в рамках синтаксической составляющей художественной речи.

Практическая значимость исследования, проводимого в рамках данной выпускной квалификационной работы, определяется анализом функциональных особенностей модальных слов в художественной речи, раскрытии их как средств, используемых при презентации точки зрения говорящего и речевого воздействия на адресата. Материалы могут быть использованы на занятиях по синтаксису современного русского языка, спецкурсах по проблемам синтаксиса, занятиях по функционально-семантическому синтаксису, стилистике текста.

Апробация диссертации. По теме диссертации опубликована 1 статья в сборнике материалов X международного форума «Белгородский диалог – 2018: проблемы истории и филологии» (Белгород, 18-20 апреля).

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

Глава 1. Теоретические аспекты изучения модальных слов как языковых средств при презентации точки зрения говорящего и речевого воздействия на адресата в художественной речи

1.1. История вопроса происхождения модальных слов

Определяя понятие «модальные слова», Г.Ф. Рахимкулова рассматривает его, как «часть речи, служащая для выражения субъективно-модальных отношений говорящего к тому, о чем и как он говорит (*вероятно, кстати, во-первых и др.*), не имеющая форм словоизменения, выступающая в функции вводного слова или слова-предложения» [Рахимкулова 2009: 68].

Давнюю историю в русской лингвистике имеет вопрос о модальных словах. Их относили к разряду предположительных и утвердительных наречий ученые: Н.И. Греч, А.Х. Востоков, В.А. Богородицкий, А.А. Шахматов и др. Их изолированность с грамматической точки зрения стала основанием для включения этих единиц в ряды «вводных наречий» Д.Н. Овсянниково-Куликовским.

Впервые на модальные слова как на самостоятельную часть речи взглянул В.В. Виноградов, определив, что этим языковым единицам присущи синтаксические и семантические признаки. Ученый отнес к этому разряду широкий спектр слов, которые характеризуют высказывание без опоры на его достоверность или недостоверность. Такая позиция спровоцировала возражения некоторых лингвистов, полагавших, что к модальным относятся только те слова, которые имеют предположительное (гипотетическое) или утвердительное значение.

Такая разница во мнениях создала проблему вокруг определения МС, не позволили современным ученым прийти к единому мнению в вопросе выявления области субъективно-модальных значений подобных слов. На сегодняшний день выделяют две точки зрения – узкую и широкую – относящиеся к вопросу значений, которые выражают модальные слова.

Широкой точки зрения придерживался В.В. Виноградов, определив, что «модальные слова по своим функциям могут быть разделены на следующие двенадцать основных разрядов»:

1. Обозначающие чужой стиль выражения, субъективную передачу чужой речи, мысли, ее оценку говорящим (мол, де, слышно, дескать, будто бы, будто). Например: *"Иные молодцы даже русскую науку открыли: у нас, **мол**, дважды два — тоже четыре, да выходит оно как-то бойчее."* (Тургенев, "Дым").

2. Содержащие оценку непосредственно способа, стиля выражения (так сказать, буквально, коротко говоря, вообще говоря, откровенно говоря). Например: *"Вы извините меня, сударыня, если... в таком, **так сказать**, дорожном неглиже"* (Тургенев, "Холостяк").

3. Смежный тип, обозначающий эмоциональный тон высказывания, характер речевой экспрессии, подчеркивающий экспрессивные оттенки выражений (не в обиду будет сказано, шутка ли сказать, признаться сказать). Например: *"Нынешняя молодежь, **не в обиду будь сказано**, какая-то, господь с нею, кислая, переваренная"* (Чехов, "Иванов").

4. Содержащие эмоциональное освещение действительности, изображаемой в высказывании (право, чего доброго, знать, чай, пожалуй, должно, небось, что ли, как-никак). *"Рассказывай, **чай**, у тебя готово собрание важное вестей"* (Грибоедов, "Горе от ума").

5. Модальность суждения, основанная на логической оценке достоверности высказывания (вероятно, несомненно, видимо, безусловно, может быть, очевидно). *"И исполнила над ним свою угрозу — с помощью какого-то, **должно быть**, соперника Валентина, **кажется**, жениха Лизы"* (Гончаров, "Слуги старого века").

6. Выражающие отношение содержания отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания (стало быть, в частности, значит, кстати, кроме того, например, примерно). *"А **впрочем**, не распить ли нам"*

бутылку старенького? У меня есть такое, что пальчики оближешь" (Салтыков-Щедрин "Губернские очерки").

7. Обозначающие порядок движения мыслей в числовой последовательности (во-первых, во-вторых и т. п.).

8. Выражающие субъективную внезапность припоминания (кстати, заодно).

9. Сравнительные частицы, частицы-наречия (как будто, словно, точно, как бы). *"Нет у меня сына!" — отрезала Варвара Петровна — и словно напорочила"* (Достоевский, "Бесы").

10. Заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление подчеркнуть перед ним что-то, возбудить его внимание к какому-либо вопросу, вызвать в адресате определенное отношение к сообщению (видите (ли), знаете (ли), извините). *"Он, видите ли, очень занят, ему, видите ли, дома душно и скучно"* (Чехов, "Иванов").

11. Количественные обозначения степени (самое меньшее (большее), едва ли не, по крайней мере).

12. Переходные, гибридные выражения и слова, совмещающие значения модальности с другими.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что сторонники широкой точки зрения относят к модальным практически все вводные слова. Такая трактовка способствует более полному пониманию точки зрения говорящего. Широкая точка зрения позволяет также подробно рассмотреть специфику речевого воздействия на адресата посредством использования модальных слов в диалогической речи.

Опираясь на концепцию В.В. Виноградова, мы можем сделать вывод, что модальные слова в художественной речи могут служить как языковые средства при презентации точки зрения говорящего, поскольку помогают передать эмоциональную, логическую, стилистическую особенность его речи. Кроме того, модальные слова, носящие оттенок оценочности, характеризующие общий стиль и тон высказывания, могут быть применены в устной и

письменной речи для воздействия на адресата. Такая возможность является крайне важной для автора художественного текста, поскольку способствует формированию у читателя более полного представления о персонажах, действовавших в тексте, или о позиции самого автора.

Вторая точка зрения связана с узкой трактовкой семантики модальных слов. Сторонники этой теории утверждают, что среди вводных слов только часть относится к модальным. Согласно узкой точки зрения, модальные слова делятся на две группы:

1. С утвердительным значением. Они выражают достоверность информации, содержащейся в предложении (безусловно, бесспорно, истинно, неоспоримо).

2. С предположительным значением. Такие слова заключают в себе неуверенность относительно сказанного (видимо, возможно, вряд ли, по-видимому, может быть).

Если проводить рассмотрение семантики модальных слов с узкой точки зрения, мы можем сделать вывод, что посредством данной языковой категории говорящий может выразить в высказывании только уверенность или неуверенность в преподносимой адресату информации. На наш взгляд, такой подход не позволит в полной мере изучить функционирование модальных слов в диалогической речи, антропоцентрическую направленность их применения.

Процесс выделения МС как самостоятельной категории проходил в течение длительного времени, поскольку их было трудно разграничивать с наречиями. Такое явление воспринимается, как один из факторов развития русского языка. Так же к классу наречий (вплоть до конца XVII в.) причисляли междометия. К этой категории приравнивали все слова, которые отличались своей «неизменяемостью». Трудность выделения модальных слов заключалась и в том, что большая часть их них произошла именно от этой категории.

Несмотря на очевидное своеобразие модальных слов с точки зрения грамматики, русские лингвисты, известные в XIX в. характеризовали их как особый разряд наречий. Такое мнение сформировалось под влиянием теории античной грамматики.

К наречиям, «определяющим подлинность действия и состояния» модальные слова приписывал А.Х. Востоков. Ученый объединял их с наречиями и частицами, им были выделены пять групп «наречий», характеризующихся оттенками модальности:

- «Вопросительные: неужели, разве, ужели.
- Утвердительные: истинно, подлинно, действительно, в самом деле.
- Предположительные: может быть, авось, едва ли, никак, вряд ли.
- Отрицательные: ни, не.
- Ограничительные: токмо, единственно, только, лишь» [Востоков 1859: 139-140].

Н. И. Греч выделял в особый разряд так же «наречия, определяющие свойство и образ бытия, существования предмета», а именно:

- С утверждением: истинно, подлинно, неоспоримо, непременно.
- С показанием возможности: авось, может быть, едва ли, вероятно, вряд ли.
- С отрицанием: отнюдь не, нимало, не, никак.
- С выражением вопроса: неужели, разве» [Греч 1834: 209].

Опираясь на эти точки зрения, мы можем проследить, что ученые подчеркивают наличие слов с модальными оттенками среди наречий.

Эти оттенки выделяются еще ярче в дальнейших исследованиях в области грамматики русского языка. В труде И.И. Давыдова «Опыт общесравнительной грамматики» отмечается: «Кроме наклонений, к тому же служат некоторые наречия, придаваемые сказуемому для действительности: точно, подлинно, действительно; для возможности: может быть, ведь, авось, едва

ли, вероятно; для необходимости: непременно, должно быть, знать, видно, стало быть» [Давыдов 2012: 282]. Ученый указывает на прочную связь между категорией наклонения (глагольной модальности) и вводными словами. Таким образом, мы можем заключить, что внимание исследователей акцентируется на отношениях наречий с прочими формами, которые выражают в русском языке модальность суждения.

Систематизируя представления о языке, В.В. Виноградов приходит к выводу, что в трудах А.А. Шахматова и В.А. Богородицкого ярко выражены «отголоски старого смешения модальных слов с наречиями». Последний в труде «Общий курс русской грамматики» полностью объединяет вводные слова и наречия. Однако А.А. Шахматов распределил МС по различным грамматическим категориям. В.В. Виноградов указывает: «Большая часть модальных слов им присоединяется к наречиям и – что не совсем обычно – к союзам» [Виноградов 1927: 94-96]. К союзам А.А. Шахматов относит «выражения, означающие переход от одной мысли к другой или просто средства возбудить внимание собеседника» [Шахматов 2001: 99].

Помимо этого, ученый выделяет разряд союзов, которые указывают на определенную цель, конкретную мысль говорящего. В трудах исследователя четко прослеживается связь, возникающая между наречиями-обстоятельствами и вводными предложениями. Особую категорию («сопутствующего обстоятельства») выделяет А.А. Шахматов. По его мнению эта категория выражается наречием, которое должно быть:

1. «не зависящим от того или другого слова в предложении, но занимающим тем не менее второстепенное место, зависимое от всего предложения в его совокупности;
2. зависящим от отдельного слова» [Шахматов 2001: 258].

Таким образом, мы видим, что в трудах ученого прослеживаются процессы синтаксиса, направленные на сближение и смешение модальных слов с наречиями. К выведенному им разряду «сопутствующего обстоятельства» в большинстве случаев относятся модальные слова, на что указывает их связь с

вводными словами, использование которых в предложении наряду с формами склонения позволяет выразить его модальность. Мы предполагаем, что ученый сформировал предпосылки и пути выделения модальных слов из наречий.

Дальнейшие исследования привели ученых к пониманию наличия связей модальных слов с частицами и наречиями, выявлению их взаимодействия с категорией склонения. К частицам, обозначающим косвенные склонения, можно поставить в соответствие частицы, которые отражают, как говорящий относится к высказыванию, а также вопросительные (*неужели, разве и др.*). С ними соотносили слова, способные выражать субъективную оценку, сомнения, уверенность говорящего (*авось, вряд ли, именно, наверняка, разумеется и пр.*). Т.е. прослеживается определенная связь между некоторыми наречиями, частицами и словами, которые имеют значение модальности.

Развитие эта теория получила в научных изысканиях А.М. Пешковского. Он утверждал, что существуют слова, называемые «частичными», отличие которых заключается в отсутствии их связанности с какими-либо членами предложения, при этом они сами членами предложения не являются (*дескать, мол, знать*). Соотнося эти понятия с определением и характерными особенностями МС, мы видим, что их общность с частичными словами состоит в наличии обособленности относительно членов предложения.

Происхождение модальных слов определяется разнородностью. Они могут соотноситься с различными частями речи:

- именами существительными (*факт, правда, к сожалению, без сомнения, неправда*);
- краткими именами прилагательными на -о (*верно, истинно, вероятно*);
- словами категории состояния и наречиями (*очевидно, конечно, бесспорно, по-видимому*);
- глаголами (*знать, разумеется, казалось, может*).

Кроме того, в группу модальных слов переходят некоторые словосочетания (*в самом деле, стало быть, по всей вероятности, может быть*).

Многообразие путей возникновения МС порождает проблематику их широкой омонимии. Поэтому нужно проводить четкую границу между модальными словами и их омонимами, принадлежащими к другим частям речи.

Модальным присущи функциональные признаки вводных слов – эти единицы на письме обособляются посредством запятых, не относятся к членам предложения. В речи такие слова можно опустить, при этом смысловая нагрузка высказывания не подвергнется изменениям.

Рассматривая синтаксическую структуру предложения *«Княжна, кажется, любит рассуждать о чувствах и страстях.»* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени), мы обращаем внимание, что слово «кажется» выступает в качестве вводного (модального). Слово нельзя причислить ни к одному члену предложения, а на письме оно выделяется запятыми с двух сторон.

В предложении *«За озером луна остановилась и кажется отворенным окном в притихший ярко освещенный дом.»* (А.А. Ахматова) слово «кажется» омонимичный глагол, поскольку функционирует в качестве глагольной связки составного именного сказуемого.

Основываясь на этих примерах, мы приходим к заключению, что при переходе в модальные слова знаменательные части речи лишаются ряда своих функций – морфологических и синтаксических – а так же категориальных значений, теряют свою лексическую самостоятельность.

Наибольшая частотность среди омонимичных модальных слов встречается среди слов категории состояния и наречий. Например: *Действительно* (модальное слово), *с батареи открывался вид почти всего расположения русских войск* (Л. Толстой); *Он был ей действительно* (наречие) *рад* (М. Ганина); *А здесь, верно* (модальное слово), *как в другой стране: воздух прохладен, дуют ветры, шумят деревья* (Ю. Трифонов); *Служи верно* (наречие) *тому, кому присягаешь* (А. Пушкин).

Некоторые МС образуют омонимичные пары с глаголами, поскольку не утратили соотносимость с этой частью речи. Например: *Я, **признаюсь** (модальное слово), не слишком люблю это дерево...* (И. Тургенев); *Я признаюсь (глагол) тебе в любви* (М. Лисянский); *Но, **говорят** (модальное слово), вы нелюдим...* (А. Пушкин); *Многие говорят (глагол), что девушка выросла несказанной красоты* (Ю. Нагибин).

Могут образовываться омонимичные пары модальные слова-имена существительные. Ср.: *И, **правда** (модальное слово), всё, что ни доставали казаки, всё делили пополам* (Н. Гоголь); *Правда (существительное) глаза колет (Пословица); **Всякий, без сомнения** (модальное слово), заметил, как пустеют ныне усадьбы* (А. Писемский); *Без сомнения (существительное с предлогом) и какого-либо раздумья я согласился на эту встречу* (С. Антонов).

Явление омонимии относительно МС распространяется и на краткие прилагательные, служебные части речи. Ср.: *Всякий человек, **бесспорно** (модальное слово), в своих поступках волен* (И. Тургенев); *Его мнение было односторонне и бесспорно (краткое прилагательное); Вы бы лучше (частица) барина разбудили* (И. Тургенев); *Я вам расскажу жизнь мою или, **лучше** (модальное слово), несколько черт из моей жизни* (И. Тургенев); *Он, **точно** (модальное слово), немного не в себе, чувствует себя не в своей тарелке* (В. Зорин); *Кусты шевелятся, точно (союз) тихо разговаривают* (М. Гаршин).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в качестве самостоятельной части речи модальные слова выделились недавно. В настоящее время известно две точки зрения, устанавливающих, какие именно включать в эту категорию. Относительно их использования в качестве языковых средств при презентации мнения говорящего и средств речевого воздействия на слушателя или читателя, больший интерес представляет широкий подход к классификации МС.

Данная часть речи происходит от кратких прилагательных, существительных, наречий, слов категории состояния, глаголов. Проблема обширности омонимии этих языковых единиц разрешается путем установления нали-

чия или отсутствия определенных грамматических и синтаксических признаков рассматриваемого слова.

1.2. Категория модальности. Виды модальности

Такое многоаспектное явление, как категория модальности, вызывает все больший интерес у лингвистов современности. В результате, в профессиональной литературе можно обнаружить множество различных взглядов на сущность этого феномена.

Трудно найти другую языковую категорию, о природе которой высказывалось бы столько противоречивых точек зрения. Модальность рассматривается как предмет различных наук. К ним относятся: языкознание, логика, философия.

Основы теории модальности заложил В.В. Виноградов. Работы ученого, направленные на изучение данной тематики, до сих пор представляют важность для исследователей-лингвистов. В.В. Виноградов относит категорию модальности к субъективно-объективным, называет ее конструктивным признаком предложения, его неотъемлемой составляющей. «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [Виноградов 1975: 55].

Среди лингвистов западной Европы широко распространилась концепция Ш. Балли. Ученый выделял два блока, составляющих высказывание – модус и диктум.

Диктум представляет собой предметно-логический компонент высказывания. Для него характерно соотношение с описанием той или иной ситуации. Модус при этом отражает отношение данной ситуации к действительности.

сти, выражает эмоциональный, интеллектуальный, волевой аспект в суждениях автора высказывания относительно диктума.

Ш. Балли трактует модальность с точки зрения синтаксической категории, основную роль в выражении которой играют модальные глаголы. По мере развития лингвистических учений, границы сферы использования термина «модальность» стали существенно расширяться. Охват понятием языковых явлений и его объем могут совершенно не совпадать в трудах разных ученых.

А.В. Бондаренко считал, что характеристика модальности с точки зрения отношения пропозитивной основы высказывания, устанавливаемой автором, к реальной действительности требует уточнений, поскольку имеет некоторую неопределенность.

Ученый характеризует данное понятие, указывая на его доминирующий признак, дающий представление, какое непосредственно отношение к действительности демонстрируется для модальности как основное и специфическое. По мнению А.В. Бондаренко модальность в качестве доминанты имеет то или иное отношение к реальности/ирреальности. Для увеличения информативности данной характеристики в нее включаются основные виды значений, рассматриваемые в качестве модальных.

Таким образом, мы заключаем, что ученый рассматривает понятие модальности как комплекс, состоящий из категорий актуализации. Составляющие комплекса характеризуют принадлежность к действительности пропозитивной основы содержания высказывания с точки зрения его автора. Доминирующим признаком при этом является реальность/ирреальность. На основе такого подхода выделяются следующие значения модальности:

- 1) «актуальности/потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т.д.),
- 2) оценки достоверности,
- 3) коммуникативной установки высказывания,
- 4) утверждения/отрицания,

5) засвидетельствованности (пересказывания/непересказывания)» [Бондаренко 2001: 34-40].

В эту классификацию ученый не вносит качественную оценку сказанного по принципу «хорошо/плохо». Он считает, что категория оценочности имеет лишь частичную связь с семантическим компонентом модальности. По мнению ученого, ее целесообразно рассматривать только как особую семантико-прагматическую сферу, которой присуще взаимодействие с модальностью.

При этом ученый допускает, что периферия категории модальности может включать компонент качественной/эмоциональной оценки.

Другой лингвист – О.Н. Лагута – говоря о модальности, выделяет шесть ее типов:

- «алетическую,
- эпистемическую,
- деонтическую,
- временную,
- аксиологическую
- избирательную» [Лагута 2000: 35].

Рассматривая дифференциацию категории модальности, нужно упомянуть о другом подходе к данной проблематике. В.Н. Бондаренко, В.З. Панфилова, Г.А. Золотова, А.М. Наера считают, что различается объективная (выражающая отношение к действительности) и субъективная (реализующая, как говорящий относится к высказыванию) модальность.

В.Н. Бондаренко понимает под модальностью языковую категорию, в которой отражается характер объективных связей, реализующихся в предложении. Так же категория указывает на степень достоверности высказывания с точки зрения его автора.

В «Русской грамматике» Н.Ю. Шведовой помимо указания на многозначность понятия «модальность», говорится, что объективная модальность характеризуется соотношением с категорией предикативности. В сущности

предикативность формируется значениями объективной модальности, презентуя их в качестве сложной языковой целостности.

Помимо этого, среди различных групп, объединяющих субъективно-модальные значения, оппозиционируются некоторые первичные: собственно-оценочные, оценочно-характеризующие. Соответственно, по мнению Н.Ю. Шведовой, одной из сущностей субъективной модальности является оценка. Оценочность высказывания выражает отношение говорящего, поэтому может применяться как одно из важнейших средств его презентации. При этом, высказывая некоторое оценочное суждение, говорящий может оказывать воздействие на адресата, реализуемое посредством использования в речи модальных слов.

Объективная модальность характеризуется как обязательный признак любого высказывания. Категория применяется для выражения отношения сказанного в контексте реальности/ирреальности к действительности. Такая модальность реализуется на уровне синтаксиса, отражается лексическими и грамматическими средствами: модальными словами, частицами, формами наклонения, интонацией.

Модальность субъективная не относится к обязательным признакам высказывания. Она включает в себе отношение автора к сообщаемому и выражает формально-грамматическое значение. Оценка говорящим фактов, описываемых в предложении, является смысловой основой такой модальности (согласие/несогласие, уверенность/неуверенность, отрицательная или положительная оценка).

При сопоставлении семантического объема двух видов модальности необходимо отметить, что первая отличается более широкими показателями. Л.Г. Паранук замечает, что модальность субъективная охватывает «всю гамму реально существующих в естественном языке разноаспектных и разнохарактерных способов классификации сообщаемого» [Паранук 2001: 206-210] и способна реализовываться рядом средств:

- 1) «оценочной лексикой;

2) модальными словами и частицами;

3) специальным лексико-грамматическим классом слов, а также функционально близкими к ним словосочетаниями и предложениями (в составе предложения эти средства обычно занимают синтагматически автономную позицию и функционируют в качестве вводных единиц);

4) при помощи порядка слов;

5) при помощи междометий;

6) специальными интонационными средствами для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому;

7) композиционными приемами» [Паранук 2001: 206-210].

Стоит заметить, что не выявляется резко очерченной грани между значением объективной и субъективной модальности – для их репрезентации могут применяться одни и те же средства языка. Рассмотрим модальное слово «**может**». Данная языковая единица в определенном контексте способно выражать субъективную модальность проблематичности (может=может быть) или объективную модальность возможности (может=имеет возможность, в состоянии).

При причастно-осложненных предложениях в контексте анализа модальных отношений, необходимо заметить, что передавать значения объективной модальности причастие неспособно. «Непредикативная форма, будь то причастие, герундий или инфинитив, только называет действие, но никак не характеризует его с точки зрения отношения к действительности» [Смирницкий 1959: 256].

С другой стороны, средства выражения субъективной модальности могут использоваться в причастных оборотах. В частности, это касается лексики с субъективно-оценочным значением. По мере рассмотрения модальных отношений в рамках субъективной модальности в предложениях, содержащих деепричастный оборот, выделяются два типа модальности:

- оценки степени уверенности в достоверности, точности сообщаемого;
- волеизъявления и желания.

Первый тип является частью структуры эпистемической модальности, выражает оценку знания автора высказывания о вероятности наличия связей между объектом предикации и его признаками. Такая связь трактуется как результат мыслительной деятельности оценивающего субъекта и предполагает его наличие.

С точки зрения говорящего может различаться степень достоверности содержания высказывания. Если этот показатель высокий, обеспечивается и увеличение возможности, что информация, содержащаяся в предложении, является истинной, соответствует объективной действительности. В этом заключается связь субъективной и объективной модальности.

По словам Т.В. Романовой: «Необходимо указать еще на одну особенность модальности оценки. Во многих случаях оценка входит как один из компонентов в конструкции, в основе которых лежат другие модальности. Особый интерес представляют модальности, в которых оценка составляет их необходимую часть. Так, аксиологическая модальность сложными способами связана с модальностью долженствования. Сходство логических структур с предикатами «хорошо/плохо» и «обязательно/необязательно» отмечалось не раз. Очевидно, что эта особенность оценки определяется ориентацией оценки на норму, на объект с такими характеристиками, которые предъявляются к нему нормативными требованиями» [Романова 2008: 7-8].

Рассматривая волеизъявление как широкое понятие, в него закладывают различные оттенки модального значения: готовности/попытки осуществить действие, согласия, намерения, желания. По мнению В.М. Павлова, эти оттенки объединяются моментом «волевого отношения субъекта к действию, осознаваемого субъектом – независимо от того, какие обстоятельства к этому привели, – как его собственное волевое побуждение» [Павлов 1998: 95].

Тем не менее, не все ученые-лингвисты выделяют модальность волеизъявления (или называют ее таким термином). Например, в трудах В.В. Виноградова говорится о значении желательности, применительно к модальности. Желательность имеет различную степень связи с понятием воли и ее проявлениями. Ученый прослеживает модальные значения намерения, желания, воли к совершению действия (с оттенками повеления, просьбы, приказа) у сочетаний некоторых глаголов (желать, хотеть, взяться, решиться, пытаться, рваться) с инфинитивом. Например, в поговорке «Кто хочет кашу есть, тот выкупи ложку» не проявляется реального действия, а лишь указывается на его желательность. Речь в предложении идет о волевом аспекте, желании субъекта «есть кашу». Данное действие интерпретируется как потенциально возможное, с оттенком повеления. То есть, у субъекта есть желание, воля, но факт выполнения, реализации не установлен, поскольку вторая часть предложения содержит условие «тот выкупи ложку». Таким образом, мы не можем установить, выполнит ли субъект данное условие.

Модальное значение с оттенком желаемости совершения действия выделяет и А.М. Пешковский. Потенциальное действие раскрывается посредством следующего примера: «Готова служить, онучки сушить; сам где положишь, там и возьмешь». В данном предложении, с одной стороны, сообщается о том, что субъект готов реализовать действие, проявляет желание. Однако, с другой стороны, в этом же примере содержится и нежелание выполнять обещанных действий, исходящее от субъекта. Таким образом, заключаем, что говорящий приписывает желание осуществления действия другому, при этом выражая собственную волю.

Говоря о модальном значении волеизъявления, П.А. Лекант определяет следующие его оттенки: готовности/попытки к действию, желательности, согласия или разрешения себе совершить действие. Например: Старый хочет спать, а молодой – играть.

В этом примере прослеживается модальность со значением волеизъявления, готовности осуществить действие: при создании определенных усло-

вий или ситуаций, эти действия будут непременно совершены, поскольку они являются жизненной нормой.

Еще один пример: «Проглотить-то хочется, да прожевать лень». Здесь выражается значение «готовности приступить к действию» модальности желания. В предложении само действие не выражается и является потенциальным. Адресату высказывания не понятно, будет ли реализовано желание, намерение говорящего.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современными лингвистами рассматривается два вида модальности: объективная и субъективная. Для их выражения используются одни и те же языковые средства. Категория модальности соотносится с модальными словами посредством из разрядов по значению.

1.3. Антропоцентрический фактор употребления модальных слов в художественной речи

Принимая во внимание исследования последнего времени в области лингвистики, можно заключить, что внимание ученых постепенно перемещается с непосредственно языка на его носителя – человека. Это привело к тому, что произошел переход от лингвистики, которая предполагает анализ языка «в самом себе и для себя», к лингвистике антропоцентрической, где изучается «язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Постовалова 1999: 8].

Такое направление в исследованиях объясняется тем, что при создании языка человек заложил в него свой облик. В языке отражается все, что человеку известно не только о его внешнем облике, но и о эмоциональных, интеллектуальных сторонах личности, ее внутренних состояниях, о внешнем мире, а так же свое отношение к себе и миру, его окружающему.

Человекоориентированная направленность лингвистических изысканий современности поспособствовала возрастанию активности специалистов в изучении модальности художественной речи.

Термин «модальность» материализовался в области языкознания, выделившись из классической формальной логики. В разнообразных предметных областях понятие рассматривается как категория, которая предназначена для характеристики способа совершения действия или отношения к нему, - ее рассматривают как некую языковую универсалию.

Начальный период изучения проблемы модальности в зарубежной лингвистике соотносится с именем Ш. Балли – французского лингвиста, который сделал принципиально важное замечание, что «...нельзя придавать значение предложению высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [Балли 1955: 44].

Ученому принадлежит теория о наличии в смысловой структуре предложения объективной семантической (диктума) и переменной субъективной константы (модуса). Эта теория затем легла в основу дифференциации модальности на субъективную и объективную.

Основоположником русской лингвистической традиции в изучении модальности является В.В. Виноградов. Ученый расценивал эту категорию как одну из центральных, основных в языке, которая в разных формах «обнаруживается в языках разных систем» [Виноградов 1950: 38-89].

Отражение объективной действительности в речи, участие в процессе ее субъекта становится определяющим фактором сущностных характеристик модальности, которую можно рассматривать в качестве выражения объективного и субъективного в языке в самом общем виде. Модальность объективную, реализуемую посредством отношения сообщаемой информации к действительности в контексте потенциальности и реальности, относят к одному из ряда признаков высказывания, являющихся обязательными.

Объективное в художественной речи образуется из объективных качеств объекта или явления, которые являются частью объективной действи-

тельности. Кроме того, оно обусловлено истинными характерными чертами субъекта, рассматриваемого, как часть социума, поскольку «многие жизненные отношения совпадают у больших групп людей или даже у всего человечества в меру общности тех или иных объективных характеристик» [Виноградов 1950: 38-89]. Свое отражение в объективной модальности находят объективные связи, возникающие в реальной действительности, – факты или явления объективной действительности. Значение этого вида модальности в плане содержательности традиционно характеризуется тремя аспектами и их вариациями: необходимости, возможности, истинности существования определенного факта в реальной действительности.

Лингвисты трактуют модальность, опираясь на узкую и широкую точку зрения. Первый подход понимает модальность языковую как прямую аналогию модальности суждения. Являясь категорией семантики, она «реализуется во всем составе предложения и не накладывает каких-либо особых признаков на структуру предложения» [Колшанский: 80-106].

Такой подход не находит обширного распространения, поскольку стремится ограничить языковую модальность в рамки логической модальности суждения, при этом сокращая объем понятия лишь до принятых в области формальной логики значений, включающих действительность, возможность и необходимость.

Рассматривая категорию в рамках уровня предложения, тесно связывая ее с анализом категории модальности и суждения, принятой в логике, В.З. Панфилов выделяет значения модальности двух типов: объективную и субъективную. При этом, по мнению ученого, первый тип «отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно, связи возможные, действительные и необходимые» [Панфилов 1977: 37-48].

Модальность субъективная же «выражает оценку со стороны говорящего степени познания этих связей, то есть она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию» [Колшанский 1961: 75].

Второй (широкий) подход, восходящий к трудам В.В. Виноградова и Ш. Балли, предполагает включение в содержание модальности так же значений утверждения/отрицания, реальности/ирреальности, вероятности, достоверности, необходимости, желательности, возможности, эмотивности, волеизъявления, побуждения. [Бондаренко 1990: 65-70].

На фоне такой широты в трактовке объема семантики модальности исследователи-лингвисты по понятным причинам приходят к необходимости упорядочить или ограничить комплекс значений, включенных в состав, создать структурно-функциональную иерархию семантических пластов модальности, которые выделяются в структурном содержании предложения.

Для нас интерес представляет взгляд Т.И. Дешериевой, по мнению которой модальность представляет собой «лексико-грамматическую категорию, характеризующую целевую коммуникационную установку, тип связи субъекта и предиката суждения, обозначенного предложением, интотему последнего и модус отношения говорящего/пишущего к смыслу сообщения. Тем самым модальность выражает отношение суждения к действительности с точки зрения субъекта речи и отношение последнего к смыслу сообщения» [Дешериева 1988: 44-45]. Из этого следует вывод, что содержание категории модальности и модальные слова в частности могут применяться для презентации точки зрения говорящего, при этом оказывая определенное речевое воздействие на адресата высказывания, тот контекст, эмоциональный, оценочный посыл, в соответствии с которым, слушатель воспримет сообщаемое.

А.Б. Туманова в свою очередь отмечает, что модальность надлежит в первую очередь рассматривать на уровне предложения: «Модальность в структуре предложения рассматривается как признак отношений между предикативными единицами, как коммуникативный признак, представляющий предложения по типу целевой установки, как структурно-семантический признак предложения, выражающий отношения говорящего к сообщаемому и оценку его в плане реальности/ирреальности» [Туманова 2006: 74].

В качестве фрагмента языковой модальности можно представить модальность художественной речи, реализуемую через текст. Это объясняется тем, что «художественный текст, являясь искусственно организованной структурой, материализованным фрагментом специфической гносеологической и национальной культуры этноса, передает определенную картину мира и обладает высокой силой социального воздействия. Текст как идиостиль реализует, с одной стороны, имманентные черты определенной системы языка, с другой, – представляет собой результат индивидуального отбора языковых ресурсов, соответствующих эстетическим или прагматическим целям писателя» [Базалина 2000: 75].

Как законченное произведение речи художественный текст пронизан «субъективностью и антропоцентрическими устремлениями, а антропоцентричность выражается в речи и как субъективно-модальное значение» [Бабенко 2000: 194]. Соответственно, мы можем заключить, что использование в художественной речи модальных слов способствует ее антропоцентрической направленности. Следовательно, эти языковые единицы помогут полнее выразить замысел говорящего, произвести определенное впечатление на адресата, воспринимающего информацию.

Значению оценки отводят роль семантической основы субъективного типа модальности, поскольку именно она характеризуется обширным спектром модальных значений и их разнообразных оттенков. Современные исследователи при рассмотрении дифференциации модальных значений обозначают среди них не просто оценку, но делят ее на абсолютную, сравнительную, экспрессивно-эмоциональную.

Опираясь на концепцию В.В. Виноградова, Г.А. Золотова выделяет 3 вида модальных отношений: объективную, субъективную и внутрисинтаксическую модальность. Первый вид характеризуется отношением к действительности с точки зрения реальности/ирреальности высказывания. Второй подразумевает отношение со стороны достоверности/недостоверности к вы-

сказыванию говорящего. Третий вид – отношения между предикативным признаком (действием) и носителем этого признака (субъектом действия).

Многие лингвисты, изучающие модальность, разделяют позицию Г.А. Золотовой. Однако существует и другая точка зрения. Т.В. Шмелева считает, что «многие существующие варианты дифференциации модальных значений, – замечает исследователь, – являются по существу разделениями со стороны плана выражения и с некоторыми огрублениями могут быть сведены к различению модальности наклонения и модальности лексических показателей» [Шмелева 1984: 95].

Таким образом, среди ученых-лингвистов нет единого мнения относительно классификации значений модальности. Однако, можно заключить, что лексические показатели категории имеют четкую антропоцентрическую направленность, помогают точнее выразить позицию говорящего посредством модальных языковых средств, в том числе и модальными словами.

Ощутимый поворот вектора лингвистических исследований стал замечен в последние десятилетия. Возник интерес к рассмотрению именно содержательной структуры языка. Возрастание это проявляется антропоцентрической и функционально-семантической направленностью изысканий, которые построены на функциональном подходе, «с точки зрения которого внутреннее строение систем отходит на второй план, а в центре внимания оказываются отношения и связи объекта как целого с окружающей средой» [Марков 1982: 148].

В этой связи интересно высказывание Е.В. Падучевой: В данном отношении интерес представляет высказывание Е.В. Падучевой о том, что «прикрепленность речевого высказывания к действительности... создается не только референцией предметных наименований, но и референцией компонентов с пропозициональным значением, которые соотносятся с фактами, событиями, ситуациями» [Падучева 2008: 10].

Можно заключить, что смыслы высказывания, содержащие представления о его действительности, могут варьироваться в зависимости от внеш-

них и внутренних факторов, влияющих на говорящего. С другой стороны, слушатель может по-разному интерпретировать эти смыслы под воздействием аналогичных факторов.

Осуществить адекватный анализ модальности со стороны ее семантики представляется возможным, учитывая особенности ее функционирования в речи, коммуникативным процессом, которые реализуются посредством текста. В результате взаимодействия и синтеза значения единиц модальности обнаруживается модальный смысл текста, который рассматривается как явление сложное, не заключающееся только в совокупности модальных единиц, входящих в состав текста.

Как текстообразующая категория модальность представляется как «коммуникативно-семантическая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах, отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов и способе отражения между явлениями в тексте» [Донскова 1982: 28].

В текстах, содержащих художественную коммуникацию, определение модальной направленности заключается в эстетическом кредо, мировоззрении автора, его отношением к действительности, которая его окружает. В качестве семантической основы модальности выделяют: предметную (модель действительности, представляемая автором), оценочную (характеристики информации, заключенной в тексте, качественно-оценочной направленности).

Таким образом, в художественной речи модальность проявляется посредством коммуникативного аспекта текста. Эта роль включает не только выражение смысла высказывания автором, но и отношение говорящего к сказанному. В этом смысле важно рассматривать функционирование модальных слов с точки зрения антропоцентризма.

Предметный аспект модальности текста, который передает соотношение между содержанием речи и действительностью в контексте автора, со-

держит некую информацию о ситуации реальной действительности, предмете: каждое слово и предложение, текст актуализированы. Они становятся не просто гипотетическими составляющими синтаксиса и словарными лексемами, но языковыми единицами, несущими значения реальных высказываний об определенных ситуациях и фактах, конкретных предметов.

Актуализация (отнесенность к реальной действительности) – свойство, которое является необходимым для каждого текста, а объективное и субъективное относятся к неотъемлемым частям его модальности. Степень их выражения связана с многочисленными факторами, главным из которых является фактор жанра/стиля. В текстовых жанрах, характеризующихся непосредственной отнесенностью к действительности, факту, предмету или явлению объективной реальности (научные, технические, деловые документы, газетные сообщения), авторы стараются подчеркивать выраженную объективность – для этого информация подается в безличной форме.

Однако об относительности объективности свидетельствует непосредственно выбор объекта, который должен быть описан, и конкретный ракурс рассмотрения этого объекта.

Таким образом, мы можем заключить, что категория модальности художественной речи предполагает неразделимость субъективного и объективного компонентов. Их соотношение представляется в таком виде: объективное представляет собой нечто общее, а субъективное – частное (авторское, личное). Между категориями обнаруживается тесная взаимосвязь, они не делимы друг с другом, основной целью их использования в тексте является передача разноплановых отношений персонажей.

Антропоцентрическое рассмотрение лингвистики, а именно та ее часть, что включает способы обозначения и выражения эмоций, в последнее время порождает проблему средств выражения функционально-семантической категории эмотивности.

Под этим термином скрываются два явления, характеризующихся взаимосвязью: языковые единицы, заключающие компонент эмотивности внут-

ри своей семантики, а так же текст, который включает эмотивность, целью которой является формирование в художественном произведении эмоционального фона.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что рассмотрение категории эмотивности художественного текста позволяет проследить механизм речевого воздействия говорящего на читателя (адресата высказывания).

Многие ученые (В.А. Маслова, А.М. Шахнарович, В.Ю. Апресян) полагают, что эмотивность является предметом антропоцентрической лингвистики. Они считают необходимым проводить теоретический и практический анализ лексики, значение которой заключается в передаче чувств и эмоций. В свою очередь, Л.Г. Бабенко заключает, что ведущими эмотивным смыслами текста являются те, что выражают концепцию и позицию автора, то есть, модальные.

На основании этих высказываний мы можем сделать вывод, что языковые единицы, несущие в себе модальное значение, связанные с категорией эмотивности, играют одну из важнейших ролей в выражении точки зрения говорящего и осуществлении воздействия на адресата в художественной речи.

По мнению Ю.А. Разореновой, П.Е. Шилховой: «для филологов анализ эмотивной лексики интересен тем, что об истинной природе, силе чувств и эмоций человека мы узнаем благодаря языковой форме, в которой они представлены в художественном тексте» [Разоренова 2015: 38].

Действительно, художественная речь помогает говорящему реализовывать не только набор объективных качеств, но и его субъективные ощущения, вызванные событиями, переданными в тексте. Следовательно, категория эмотивности в художественной речи может быть реализована посредством модальных языковых средств, выражающих в тексте не только характеристики персонажей, события, происходящие с участниками коммуникативного процесса. Важным аспектом является оценка автором описываемого.

Персонаж и автор текста являются важной частью эмотивного пространства текста. Эмоции и чувства, которые автор приписывает своим героям, в произведении интерпретируются как объективно существующие, являются диктальными. Эти чувства часто реализуются в тексте эксплицитно. С другой стороны, чувства и эмоции, которые испытывает или интерпретирует сам автор, имеют субъективные оттенки, являются модальными, выражены и имплицитно. Для целостного текста характерно переплетение модально-эмотивных и диктально-эмотивных смыслов. Их сочетание образует ядро эмотивного содержания текста.

На основании сказанного выше мы можем сделать вывод, что модальные слова в художественной речи могут и должны выступать в качестве средств выражения эмотивности. Благодаря субъективности значений, в процессе презентации точки зрения говорящего эти слова способствуют более точной передаче чувств, которые испытывает автор высказывания, усилению речевого воздействия на адресата.

В. Н. Телия акцентирует наличие связи между категорией модальности и экспрессивностью и определяет последнюю как эффект, возникающий в речевой деятельности при выражении эмоционального отношения говорящего к обозначаемому выражению [Телия 1985: 85–86].

Таким образом, мы можем констатировать, что использование модальных слов при презентации точки зрения говорящего способствует приданию высказыванию экспрессивной окраски, что в свою очередь приводит к усилению речевого воздействия на адресата.

Отношения пересечения прослеживаются при разграничении модальности, эмоциональной оценки и экспрессивности. «Рассматриваемые категории не могут не быть соположены, ибо каждая из них передает отношение содержания высказывания к действительности, в каждой из них раскрывается индивидуальное языковое «я» говорящего» [Туранский 1990: 16].

Таким образом, мы приходим к выводу, что категория модальности имеет тесную связь с категорией экспрессивности. Языковыми средствами

для выражения экспрессивности могут служить модальные слова, поскольку их употребление в художественной речи способствует выражению индивидуальности говорящего, устанавливает отношение высказывания к действительности.

Кроме того, высказывание с оттенком экспрессивности, в рамках которого употреблено МС, может выступать как способ оказания существенного эмоционального воздействия на адресата. Экспрессивность содержит в себе наиболее яркое проявление эмоций говорящего, становится способом выражения позиции автора при восторге, возмущении и т.д.

Отношение, объективность и субъективность выступают в качестве общих компонентов в структуре значения категорий оценочности и модальности, определяя их взаимосвязь. По этому вопросу сложилось два полярных мнения:

- Одни считают, что модальность и оценочность представляют собой совершенно разные явления в языке.
- Другие рассматривают оценочность как один из вариантов модальности.

Первой точки зрения придерживается Т.В. Маркелова: «Функционально-семантическая организация двух сопоставляемых категорий в виде функционально - семантических полей позволяет отметить прежде всего их разный характер - моноцентризм ФСП модальности и полицентризм ФСП оценки» [Маркелова, 1996: 82]. Таким образом, по мнению ученого, модальность и оценка отличны друг от друга, поскольку модальность предполагает реализацию через одиночное функционально-семантическое поле, а оценка может складываться посредством субъекта и объекта.

По мнению Т.В. Маркеловой, модальная парадигма создается модальными словами и частицами, формами склонения глагола. Такая парадигма свойственна предложению – высказыванию, носящему коммуникативные цели.

Парадигматике оценки свойственна зависимость от таких компонентов оценочного высказывания, как субъект и объект оценки, отраженных в ее ментальном акте.

«Устойчивость и признанность высказывания как главного средства выражения оценочного значения, обязательность уникальных для него имплицитных семантических компонентов - шкалы оценки и стереотипов - убедительные аргументы в пользу» разведения «категорий модальности и оценки в функционально - семантическом и системно - структурном аспектах» [Т.В.Маркелова, 1996: 82]. То есть, для осуществления оценки необходимо совпадение различных условий, что не характерно для категории модальности. В этой связи создается почва для разграничения оценочности и модальности.

В книге «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность.» оценочность и модальность рассматриваются как два разных явления. Но рассматриваются они как равнозначные явления: «оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью» [Бондаренко, 1990: 61]. Несмотря на отсутствие функциональных и системных связей, не отрицается наличие взаимодействия между оценочностью и модальностью.

Е.М.Лазуткина выводит оценку за рамки собственно лингвистической категории: «Оценка зависит не только от субъекта оценки, объекта оценки и мотива, но и от социально - ролевых импликаций высказывания, обуславливающих семантико - синтаксическую структуру» [Лазуткина, 1994: 57 - 58].

Е.М. Вольф разделяет вторую точку зрения. По ее мнению, «оценку можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [Вольф, 2002: 11 - 12]. Ученый вводит термин «оценочная модальность», которая «определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами, и является компонентом высказывания» [Вольф, 2002: 11 - 12].

Всего многообразия взглядов на категорию модальности рассмотренные теории не отражают. На основании рассмотренных материалов, мы приходим к выводу, что между категориями модальности и оценочности обнаруживается связь, следовательно, в художественной речи для передачи оценки высказывания могут применяться модальные слова.

Антропоцентричность категории модальности выражается широким распространением МС в художественной речи, применительно к тексту обуславливает возможность использования этих средств языка для презентации точки зрения говорящего. Способность МС к выражению эмотивности, экспрессивности, оценочности позволяет резюмировать, что существует возможность их рассмотрения в качестве средств воздействия на адресата с помощью речи.

Вывод: Модальные слова как языковые средства при презентации точки зрения говорящего и речевого воздействия на адресата применительно к художественной речи реализуются посредством субъективной модальности, отношений говорящий-адресат. При этом субъективность автора высказывания или текста (говорящего) имеет зависимость от его отношения к тому, на кого направлено высказывание. Это позволяет причислить к понятийному аспекту модальности субъективно-оценочную и референтивную модальность.

Выводы к 1 главе:

В результате проведенного нами теоретического исследования по теме «Модальные слова как языковые средства при презентации точки зрения говорящего, средства речевого воздействия на адресата» нами были сделаны следующие выводы:

1. Модальные слова выделились как самостоятельная часть речи сравнительно недавно. Существует две точки зрения, устанавливающих, какие именно слова относить к модальным. Данная часть речи выделилась из

имен существительных, глаголов, наречий, слов категории состояния, кратких прилагательных. Класс модальных слов и частиц в его современном виде представляет собою продукт сложных изменений грамматического строя русского языка. Он очень пестр по своему лексическому составу, по этимологической природе относящихся и тяготеющих к нему словесных элементов.

2. Современными лингвистами рассматривается два вида модальности: объективная и субъективная. Для их выражения используются одни и те же языковые средства. Категория модальности соотносится с модальными словами посредством из разрядов по значению.

3. Модальные слова как языковые средства при презентации точки зрения говорящего и средства речевого воздействия на адресата в художественном тексте реализуются посредством субъективной модальности, отношений говорящий-адресат. Субъективность говорящего (автора высказывания или текста) зависит от его отношения к адресату, что позволяет включить в понятийные координаты категории текстовой модальности художественного текста референтивную и субъективно-оценочную модальность.

Глава 2. Анализ функционирования модальных слов как языковых средств при презентации точки зрения говорящего и средств речевого воздействия на адресата

2.1. Особенности использования модальных слов при презентации точки зрения говорящего

В лингвистической семантике говорящий представлен в двух смыслах:

1. Как автор конкретного высказывания, которое обращено к определенному адресату в определенный момент времени. В этом смысле говорящий представлен только в канонической коммуникативной ситуации. Поскольку только этот аспект включает момент речи, тот временной период, когда говорящий осуществляет высказывание, а адресат воспринимает его.
2. Как коммуникативная роль – в этом смысле автор высказывания включается в значение многих языковых единиц и характеризуется своей непосредственной ролью в коммуникации.

С точки зрения изучения модальных слов как языковых средств при презентации точки зрения мы можем принимать к рассмотрению оба смысла понятия «говорящий». Во-первых, выражение точки зрения происходит в момент речи, т.е. при предъявлении определенного высказывания. Во-вторых, презентация точки зрения предполагает наличие одного или нескольких явных или отвлеченных адресатов. Соответственно, мы можем рассматривать говорящего, как особую коммуникативную роль.

Е.В. Падучева выделяет диалогический и нарративный режимы интерпретации говорящего, которые соответствуют разным типам коммуникативных ситуаций [Падучева, 1991: 164].

Диалогический режим (иначе – речевой) соответствует контексту канонической коммуникативной ситуации, когда есть полноценный говорящий, такой что:

«- у него есть синхронный адресат;
- он находится с адресатом в одном и том же месте и имеет с ним общее поле зрения;
- он может пользоваться жестами, которые видны адресату;
- его адресат способен реагировать на обращение, отвечать на вопрос и т.д.». [Падучева, 1991: 164]

В этом случае монолог имеет сходство с диалогом: возможен мысленный адресат.

Нарративный режим не предполагает участия полноценного говорящего в создании и интерпретации текста. Даже в нарративе от 1-го лица говорящий неполноценный, поскольку он не имеет общего с адресатом момента речи. Говорящего как лицо (которое выполняет коммуникативную роль говорящего, входящую в семантику того или иного эгоцентрика) замещает в нарративе повествователь или персонаж [Падучева, 1991: 165].

Таким образом, мы видим, что говорящий в художественной речи может выступать не только как непосредственный (явный) участник коммуникативного процесса (диалога, полилога, монолога и т.д.), но и в виде отвлеченного персонажа или повествователя. Тогда его точка зрения будет направлена не на непосредственного слушателя, а на читателя.

Говорящий как субъект речи обнаруживает себя в семантике речевых актов. Говорящий должен считать, что то, что он говорит, имеет место: когда говорящий утверждает нечто, он берет на себя **эпистемическое обязательство**, т. е. ответственность за истинность утверждаемой пропозиции [Падучева, 1991: 165].

Говорящий в роли субъекта речи входит в семантику речевого акта вопроса (или, иначе говоря, в семантику иллюкутивной модальности вопроса). А именно, в речевом акте вопроса говорящий является субъектом следующих пропозициональных установок: 'говорящий не знает ответа'; 'говорящий предполагает, что адресат знает ответ'; 'говорящий хочет знать ответ'

Говорящий выступает в роли субъекта речи в семантике вводных слов и выражений, имеющих метатекстовое значение (некоторые из них предполагают и слушающего); например, *честно говоря, кстати, признаться сказать, между нами говоря, почему знать, например*. Они уместны в речевом дискурсе (а также в нарративе 1-го лица или в речи повествователя), а в гипотаксическом контексте невозможны.

Говорящий является в контексте канонической коммуникативной ситуации подразумеваемым субъектом сознания, т. е. знания (и неопределенности как незнания) и мнения, модальности, эмоционального или волитивного состояния, оценки (субъекта оценки предполагают, например, глаголы *кривляться, ломаться, умудриться*), ощущения сходства и подобия, ожидания и неожиданности, интерпретации, номинации и прочее. Так, номинация – это сопоставление объекту действительности того или иного **концепта**, а концептуализация – это акт сознания [Падучева, 1991: 166].

Говорящий как субъект сознания обнаруживает себя в контексте слов и синтаксических конструкций, где субъект состояния подразумевается семантикой предиката, но не выражен или даже не может быть выражен в тексте высказывания. Такое состояние обычно интерпретируется как состояние говорящего.

Синтаксическая коммуникативная грамматика позволила включить в координаты изучения модальности понятия диктума и модуса, объективного и субъективного компонентов информации в рамках этого многопланового явления. Функционально-прагматическое направление в исследовании модальности было заложено И.Р. Гальпериным в фундаментальном труде «Текст как объект лингвистического исследования», где впервые введен термин «текстовая модальность» [Гальперин 1981; 78]. Модальность начинает рассматриваться как аксиологический компонент текста, его субъективно-оценочная характеристика.

В составе модуса выделяется «точка зрения», которая взаимодействует с категорией лица говорящего, что позволяет продуцировать модальность как

отношение. Г.А. Золотова в «Коммуникативной грамматике русского языка» указывает, что предикативные категории модальности, времени и лица, репрезентированные в предложении, маркируют «точку зрения» внешнего мыслящего / говорящего лица-субъекта (субъекта внешней модальной рамки) [Золотова 2004: 115]. Обычное высказывание, в котором модус говорящего имплицитен, транслирует два модальных отношения - внутрисинтаксическую модальность (диктум) и внешнюю подразумеваемую модальную рамку (модус). Результатом функционирования в высказывании «точки зрения» говорящего становится квалификация высказывания (его пропозиции) как реального / ирреального, что фактически фиксирует оценку сообщаемого с позиций достоверности.

Говоря о текстовых функциях МС, необходимо в первую очередь сказать о том, что МС являются репрезентаторами точки зрения говорящего. Несмотря на то, что высказывание, основа которого – констатация факта, считается нейтральным в плане выражения отношения говорящего к сообщаемому, авторское отношение в нем все таки содержится, хоть и не выражено эксплицитно.

Констатационный способ изложения информации априори предполагает абсолютную авторскую уверенность в сообщаемом (*Снег идет. Дети играют в парке*). Та же абсолютная уверенность, но уже выраженная эксплицитно (главным образом при помощи модальных слов со значением персуазивности, в данном случае – уверенности/достоверности) переводит высказывание из констатационного в разряд высказываний с наличием явного авторского отношения к сообщаемому, другими словами, высказывание получает квалификацию с точки зрения степени его достоверности.

Модальная характеристика, вносимая в высказывание посредством МС, – так называемый второй семантический пласт высказывания, несущий в себе авторскую позицию в связи с сообщаемой им информацией.

Следовательно, цельный и связный комплекс таких высказываний (текст) образован не только некоторой темарематической последовательно-

стью, но и с помощью ряда субъективно-модальных значений, выражающих точку зрения говорящего, поскольку каждое «появление» такой языковой единицы в высказывании – это прямая отсылка к субъекту речи, к его мнению, к его отношению к ситуации.

Другими словами, экспликации авторского мнения – такие же полноправные инструменты, участвующие в организации текста, поскольку являются указателями на производителя речи как на главенствующий для текста фактор, так как ментальная сфера говорящего оказывает самое непосредственное влияние на текст, его создание.

Модальные слова **бесспорно, несомненно, безусловно**. Для них дается примерно идентичное толкование: эти слова употребляются для выражения того, что говорящий совершенно уверен в достоверности, истинности высказывания.

Модальные слова **конечно, разумеется, естественно**. Кроме того, что эти слова также, как рассмотренные выше, употребляются для выражения абсолютной уверенности говорящего в истинности высказывания, они еще используются для выражения того, что реальное событие вполне соответствует тому, в чем говорящий нисколько не сомневался. Второй вариант функционирования модальных слов подразумевает, что мнение говорящего относительно конкретного события сложилось еще до момента речи. А в высказывании он лишь информирует о том, что произошедшее событие полностью соответствует его твердому мнению на этот счет.

Должно быть – употребляется для выражения того, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении, в достоверности, истинности которого говорящий, однако, весьма уверен: *Должно быть, я проспал несколько минут, потому что ничего не слышал* (Г. А. Газданов. Вечер у Клэр / начало романа (1930)); *Дочь батюшки, должно быть, ничего не знала вообще* (Б. А. Пильняк. Три брата (1923–1928)).

Надо думать – употребляется для выражения того, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении, в до-

стоверности, истинности которого говорящий скорее уверен, чем не уверен: *Но спор, в который вы хотите втянуть меня, я мысленно веду всю жизнь с воображаемым обвинителем и, надо думать, имел время прийти к какому-то заключению* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)); *Надо думать, в сочетании с неуживчивыми чертами 55 характера это и стало причиной распада семьи* (Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)).

Наверное – употребляется для выражения того, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении говорящего (*Наверное, лето будет холодным*).

Мы можем констатировать, что одним из средств при презентации точки зрения говорящего в художественной речи являются модальные слова, выражающие субъективное отношение говорящего к высказыванию, придавать речи оттенки оценочности, эмотивности, экспрессивности. Модальные слова, употребляемые в художественной речи, помогают точнее выразить позицию автора высказывания, смысл сказанного.

2.2. Специфика употребления модальных слов в художественной речи в целях воздействия на адресата

Адресованность как компонент речевого акта должна всегда закладываться в предстоящую речь, готовящийся текст, заметно присутствовать в них. Речь не должна быть неизвестно для кого, но обязательно в расчете на кого-то – с созданием этому лицу, этим лицам всех условий, всех удобств для понимания. Речь не может быть, не должна быть предназначена для всех, для кого угодно, ее следует адресовать конкретному лицу или составу лиц.

«Всякое высказывание всегда имеет адресата» - эта мысль М.М. Бахтина теперь признается всеми и является одним из постулатов многих современных теорий исследования речевой деятельности. Адресат речи рассматривается как полноправный компонент в структуре коммуникативного акта.

Акт говорения, считает ученый, предполагает слушателя. Слушающий, воспринимая и понимая значение речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию. Поэтому слово является «именно продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим (курсив авт.).

Об огромном влиянии другого на самооценку человека говорил М.М. Бахтин: «Через другого мы стараемся понять и учесть трансгредиентные собственному сознанию моменты: так, мы учитываем ценность нашей наружности с точки зрения ее возможного впечатления на другого – для нас самих непосредственно эта ценность не существует, - учитываем фон за нашей спиной, то есть все то, окружающее нас, чего мы непосредственно не видим и не знаем и что не имеет для нас прямого ценностного значения, но что, видимо, значимо и известно другими, что является как бы тем фоном, на котором ценностно воспринимают нас другие» [Бахтин 1979: 19].

Адресат как текстовая категория изучен еще гораздо меньше, чем автор, хотя такие исследования проводились по отношению к текстам практически всех функциональных разновидностей языка. Проблема текстового адресата наиболее глубоко разработана в области поэтики художественного текста.

Адресат может быть непосредственным участником – собеседником в «полноценной речевой ситуации» [Падучева 1991: 164], когда говорящий и адресат не отделены ни в пространстве, ни во времени от порождаемого текста. Адресат может быть также «дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь области культурного общения, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчиненным, начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т.п.» [Бахтин 1979: 290], т. е. вполне определенным лицом или лицами. Адресат может быть также и «совершенно неопределенным, неконкретизированным другим».

М.М. Бахтин считал, что композиция и в особенности стиль высказывания зависит от того, «кому адресовано высказывание, как говорящий (или

пишущий) представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание».

Если адресат персонифицирован, то говорящий, строя свое высказывание, старается его «активно определить», то есть предвосхитить ответ, и этот предвосхищаемый ответ оказывает активное воздействие на структуру высказывания. Говорящий всегда учитывает апперцептивный фон восприятия его речи адресатом: насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды, убеждения, симпатии, антипатии, т.е. все то, что определяет активное ответное понимание. Такой учет адресата определяет выбор жанра высказывания, тип композиции, выбор языковых средств.

Кроме адресата как второго лица, может быть еще адресат неопределенный, который предполагается, по мысли М.М. Бахтина, «либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени» и называется наадресатом. В разные эпохи наадресат может принимать такие конкретные выражения, как бог, наука, суд совести и т.п. [Бахтин 1979:323].

Проблему наадресата, поставленную Бахтиным, развивает академик Г.В. Степанов. Ученый вкладывает в это понятие несколько иной смысл и применяет его преимущественно к художественной речи.

Для Г.В. Степанова адресат художественных текстов и адресат речевых актов не одно и то же: «Читатель, публика не вовлечены непосредственно в прагматическую ситуацию. От них не требуется оценки коммуникативного смысла и непосредственной реакции на речевой акт. В художественном произведении вообще нет жесткой адресованности» [Степанов 1984: 26].

Ученый выделяет в художественном тексте два типа адресатов: идеальный (текстовый, вымышленный) и реальный (читающая публика, наадресат). Идеальный адресат является «активным посредником между автором и наадресатом в реализации авторских намерений».

Для Г.В. Степанова ключевым является положение о единстве автора и адресата. Текст выступает не как стена, наглухо отгораживающая автора от

читателя, а как средство, обеспечивающее диалог между ними. Такое понимание отвергает крайности в оценке как автора, так и адресата. Одна крайность проявляется в том, что читатель наделяется правом на любую интерпретацию текста. Таким образом, у текста отрицается наличие фиксированного значения, а значит, отрицается сам автор. Другая крайность – восприятие адресата художественного произведения или массово-коммуникативного воздействия лишь объектом, пассивным потребителем, «своего рода «белым листом бумаги», на котором можно рисовать любые иероглифы» [Кондаков 1984: 18].

Выдвижение адресата на первое место, считает Г.В. Степанов, «помогло бы глубже понять смысл и назначение языка как «практического сознания», с одной стороны, и диалектику отношений действительности двух сознаний в речевой деятельности – с другой» [Степанов 1984: 22].

В настоящее время категория адресата стала обязательным компонентом анализа лирического произведения. Специфика адресата лирического произведения, его неоднозначность показана в монографии И.И. Ковтуновой «Поэтический синтаксис» (1986). Автор выделяет адресата, к которому направлено высказывание в целом, и адресата, который входит во внутреннюю структуру сообщения, и называет их внешним и внутренним адресатом.

Внешним адресатом является читатель. Внутренние адресаты – те, к кому обращается поэт. «Это может быть друг, возлюбленная, природная стихия, вещь – все, что существует в мире» [Ковтунова 1986: 20].

Внутренним адресатом может быть также один из внешних адресатов, который вводится в структуру текста, например, читатель в роли обобщенного или неопределенного адресата. Сам автор лирического произведения может быть как внешним, так и внутренним адресатом.

Включение говорящего в структуру сообщения в качестве внутреннего адресата речи автор называет автокоммуникацией и подробно описывает ее разнообразные формы. По наблюдению исследователя, внутренний адресат в лирической поэзии может отсутствовать, внешний же адресат предполагается

всегда. И.И. Ковтунова считает, что отношения между внешним и внутренним адресатом существенны для выяснения семантической структуры лирического текста и для определения семантики и функций ряда грамматических категорий и форм в лирической поэзии.

Меньше изучена структура адресата и определены его функции в текстах других функциональных стилей языка. Как «действующее лицо» авторского изложения определяет роль адресата в научных текстах Л.В. Славгородская: «Запрограммированный автором адресат вместе с ним строит текст, так как его предполагаемая реакция отражена в словесной ткани произведения и является компонентом стилевой структуры. Без правильной оценки роли адресата невозможно полностью выявить точку зрения автора» [Славгородская 1979: 39].

На основе имеющихся работ по адресатности текстов можно сделать вывод, что каждой сфере применения языка свойственна специфическая структура адресата и его роль в построении речевого произведения неодинакова. При этом точка зрения, согласно которой «субъект выступает при восприятии речи как своего рода пассивный приемник информации» [Леонтьев 1969: 306], современной лингвистикой в основном отвергается. Адресат воспринимается не только восприемником текста, но создателем его семантики. Итак, интерпретация речевого произведения небезразлична не только к тому, кем именно и в какой обстановке оно было произнесено, но так же и к фактору адресата.

Приобрести адресата стремятся не только необычные и скандальные известия, но и мелкая фактическая информация, которую адресат часто пропускает мимо ушей, если она его не касается. Но если он чувствует, что принцип релевантности нарушается намеренно, то он принимает сообщение как косвенный речевой акт. Все косвенные речевые акты адресованы. Говорящий пользуется ими либо в целях вежливого смягчения просьб, вопросов и замечаний, либо для того, чтобы сказать адресату неприятное, избежав неприятных последствий для себя. Придавая общему суждению конкретную

референцию, адресат невольно принимает его на свой счет или на счет близкого себе круга. Полагая, то положительная оценка не нуждается в маскировке, адресат может заменить в суждении знак плюс на знак минус.

Таким образом, косвенные речевые акты перечисленных видов падают на адресата как на объект оценок, создавая тип адресата-мишени. Скользя мимо адресата, косвенные речевые акты больно по нему ударяют.

Функцией МС является функция прагматического воздействия на адресата. В широком смысле речевое воздействие подразумевает рассматриваемое в аспекте целевой обусловленности и целенаправленности речевое общение. В узком смысле термин предполагает ситуацию, в которой субъект координирует деятельность адресата.

На уровне лексики основной единицей речевого воздействия является слово. Результат речевого общения зависит от выбора того или иного слова говорящим. По мнению А.А. Даниловой, «выбор слова для номинации может определяться отношением говорящего к событию, предмету повествования, а так же той целью, которую адресант преследует при построении определенного высказывания».

В процессе речевого манипулирования лексике отводят лидирующую позицию. С целью изменения отношения адресата к той или иной ситуации используется скрытое языковое воздействие.

На основании вышесказанного мы можем сделать вывод, что главным инструментом речевого воздействия является лексика. С помощью определенных слов автор высказывания может изменить отношение адресата к общаемому. Это справедливо как для разговорной речи, так и для художественного текста.

По словам Ю.А. Разореновой, «...об истинной природе, силе чувств и эмоций человека мы узнаем благодаря языковой форме, в которой они представлены в художественном тексте». Действительно, мы воспринимаем героев произведения, представляем их характер, эмоции, чувства, особенности взаимодействия друг с другом через их реплики или описание автора. В этом

случае рассматриваются диалоги между персонажами, их монологи и слова писателя.

Сопоставляя высказывание – нейтральное утверждение и высказывание с ярко выраженной авторской уверенностью в сообщаемом, нельзя не обратить внимание на то, что основной информационный посыл высказывания остается неизменным (Ср.: *Она напишет дипломную работу – Она, бесспорно, напишет дипломную работу*): высказывание имеет своей целью сообщить о том, что субъектом будет выполнено определенное действие.

Однако заметно, что второе высказывание является более насыщенным «авторским сознанием». Здесь присутствует отражение психологической, ментальной стороны говорящего, для выражения которых у последнего имеется большой комплекс необходимых средств, одно из которых – модальные слова.

Когда у субъекта возникает потребность в передаче информации, перед ним стоит вопрос: каким именно образом эту информацию преподнести, как оформить нужную мысль. И если он делает выбор не в пользу «сухого» изложения факта (нейтральной констатации), а в пользу высказывания с категорической достоверностью, значит, ему необходимо подчеркнуть факт обладания достоверной информацией или свою абсолютную уверенность в преподносимой им информации.

Другими словами, говорящий намеренно использует дополнительное средство для выражения степени своего знания / уверенности в высказываемом, тем самым акцентирует внимание адресата на нужной информации, а значит, воздействует на него.

Говорящий счел необходимым не просто сообщить информацию, а предпринял попытку убедить адресата в том, что информация является истинной, повлиять на его эмоциональное состояние.

Избирая такой способ преподнесения информации (с добавочной семантикой абсолютной авторской уверенности), говорящий передает адресату следующий посыл: «Я заинтересован, чтобы ты думал именно так, как хочу

я». Можно сказать, что говорящий управляет тем, как именно адресатом будет интерпретировано и воспринято его высказывание, формирует эту интерпретацию и реакцию говорящего: *Ну, конечно, газеты этот случай скрывают, – запрещено* (А.Н. Толстой. На рыбной ловле (1923)); *Зря не взяли. Интересное одеяло, безусловно. Разумеется, я тотчас полетел в Пассаж обо всем сообщить бедняжке Ивану Матвеичу* (Ф.М. Достоевский. Крокодил (1865)); *Действительно, взор больного стал уже не так дик и беспокоен* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)); *Несомненно, будет правительственный переворот, у власти станет Корнилов* (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга вторая. (1928–1940)); *Но самым красивым растением в долине Анюя, бесспорно, был амурский виноград* (В.К. Арсеньев. Сквозь тайгу (1930)); – *Я, естественно, не помню, как я родился, момента рождения* (Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930–1959)).

Именно эти слова, по нашему мнению, оказывают существенное воздействие на адресата. Их употребление в художественном тексте способствует формированию у читателя образа персонажа, его характера, отношения к информации, сообщаемой адресантом. С другой стороны, модальные слова полнее раскрывают суть высказывания говорящего, его способность повлиять на мысли и чувства адресата.

Таким образом проявляется еще одна функция модальных слов: функция прагматического воздействия на адресата. Она возникает в художественной речи, когда говорящий решает излагать факты не посредством нейтральной констатации, а пытается убедить адресата в достоверности/недостоверности высказывания.

Таким образом, мы приходим к выводу, что речевое воздействие на адресата может реализовываться в художественных текстах. При этом объектами выступают как герои произведения, так и читатель. Одним из языковых средств воздействия являются модальные слова. Эти единицы речи помогают полнее и точнее выразить эмоции, мысли и чувства. Связь категории модальности, эмотивности, экспрессивности применительно к художественно-

му тексту прослеживается в отношениях «автор-персонаж», «автор-читатель» и между персонажами.

2.3. Принципы развития модального компонента речи на уроках русского языка

На сегодняшний день существует значительная необходимость повышения качества формирования коммуникативной компетенции школьников. Данный процесс подразумевает применения новых приемов и технологий, направленных на совершенствование процесса обучения. Большую роль в формировании умения общаться, полно и понятно выражать свою оценку высказыванию собеседника играют модальные слова. На уроках русского языка при изучении школьного курса понятие модальных слов вводится как слова, близкие к частицам. Определяются они как слова, отражающие отношение содержания речи к действительности, оценку, которую говорящий дает сообщаемым фактам.

На начальном этапе в школьных учебниках дается представление о происхождении модальных слов в зависимости от частей речи, с которыми они совпадают по форме:

- Качественных наречий: действительно, бесспорно, буквально.
- Глагольных форм: кажется, значит, знаете ли, как говорится, признаюсь.
- Форм имени существительного: в частности, словом, кстати.

Отражение в школьных учебниках находит и синтаксическая роль модальных слов. В пособии А.М. Земского указано, что модальные слова часто выступают в роли вводных, выделяясь запятыми на письме.

Внимание в школьной программе уделяется развитию модального компонента речи, т.е. педагогически мотивированному процессу целесообразного обогащения речи учащихся средствами формирования и выражения модальных значений. Данный компонент рассматривается как один из важнейших аспектов формирования коммуникативной компетентности. По словам

Н.Ю. Жуковой, для реализации этой цели необходимо использовать соответствующие принципы обучения, которые определяют выбор методов, приемов и средств обучения.

Н.Ю. Жукова обосновывает специальные принципы организации системы развития модального компонента речи учеников, которые выделяются с опорой на общедидактические. основополагающим среди них, по мнению автора, является функциональный, который заключается в отражении функций языковых явлений. Реализация этого принципа предполагает работу над двумя объектами (языком и речью), которые находятся в диалектическом единстве.

Другим важным принципом развития модального компонента речи является экстралингвистический (принцип отражения в модально-языковых единицах внеязыкового содержания). На его базе формируются мыслительные способности, основанные на отношениях и связях, которые устанавливаются между языковыми единицами, явлениями и предметами окружающей действительности. Опора на экстралингвистический принцип помогает сформировать у школьников владение модально-языковыми средствами, осознание языка как функционирующей системы.

Реализация структурно-семантического принципа требует рассматривать языковые явления с точки зрения структуры и смысла, которым данная структура обладает. Содержание работы по формированию модального компонента речи учащихся в рамках этого принципа предполагает понимание значения как главной, центральной функции единицы языка, использование данных единиц для выражения определенного смысла. Ученикам объясняется, что свои чувства можно выразить словами, в которых отражаются эмоциональные и оценочные состояния человека, в том числе используя модальные слова или части речи, имеющие модальное значение.

По мнению Н.Ю. Жуковой, «осознание учащимися предназначенности средств языка является важной предпосылкой для осуществления обучения

русскому языку, направленного на формирование коммуникативных умений» [Жукова, 2012: 87-94] .

Опираясь на данное утверждение, можно сделать вывод о том, что коммуникативный принцип является одним из основополагающих при обучении русскому языку в школе. Данный принцип имеет несколько особенностей. Важнейшей целью, характеризующей коммуникативность, становится развитие умений и формирование навыков речевого общения через практическое использование языка. Для реализации этой цели необходимо создавать в процессе обучения условия, которые способствуют возникновению потребности в общении. Для достижения этого условия автор предлагает применять ситуативные упражнения, предполагающие самостоятельное создание текста с применением модальных слов или слов с модальным значением.

Следующим принципом, лежащим в основе формирования модального компонента речи школьников, является концентрический. Его суть заключается в постоянном возвращении к одному и тому же модальному принципу на разных этапах процесса обучения.

Таким образом, перечисленные выше принципы предполагают построение системы обучения на основе текстов, изучение функционирования языковых единиц в зависимости от цели высказывания, типа и стиля речи. Принцип текстоцентричности способствует более полному осознанию основных модальных возможностей единиц языка, текстообразующих функций (способность языковых единиц участвовать в построении текста, формировать связи между его частями, опираясь на коммуникативные намерения, общий замысел).

С целью развития способности осознавать смысловые и эмоциональные тонкости текста необходимо подбирать материал и приемы его изучения, опираясь на принцип выразительности речи. Для реализации этого принципа педагог предлагает учащимся задания на поиск в тексте модальных слов с последующей смысловой интерпретацией, выразительным чтением текста.

Таким образом, принципы развития модального компонента речи, реализуемые на уроках русского языка в школе посредством разноплановых упражнений, оказывают существенное влияние на формирование коммуникативных умений школьников, способствуют развитию связной, выразительной речи.

Выводы по 2 главе

В результате проведенной нами исследовательской работы, были сделаны следующие выводы:

1. Одним из средств при презентации точки зрения говорящего в художественной речи являются модальные слова, выражающие субъективное отношение говорящего к высказыванию, придавать речи оттенки оценочности, эмотивности, экспрессивности. Модальные слова, употребляемые в художественной речи, помогают точнее выражать позицию автора высказывания, смысл сказанного.
2. Речевое воздействие на адресата может реализовываться в художественных текстах. При этом объектами выступают как герои произведения, так и читатель. Одним из языковых средств воздействия являются модальные слова. Эти единицы речи помогают полнее и точнее выразить эмоции, мысли и чувства. Связь категории модальности, эмотивности, экспрессивности применительно к художественному тексту прослеживается в отношениях «автор-персонаж», «автор-читатель» и между персонажами.
3. Принципы развития модального компонента речи, реализуемые на уроках русского языка в школе посредством разноплановых упражнений, оказывают существенное влияние на формирование коммуникативных умений школьников, способствуют развитию связной, выразительной речи, формируют навык презентации своей точки зрения и помогают реализовывать воздействие на адресата в процессе художественной речи.

Заключение

Категория модальности и место конкретных модальных слов в русском языке до сих пор вызывают множество споров. Мы приходим к выводу, что у ученых нет единого мнения относительно функционирования модальных слов в речи и тексте. Мы убедились, что употребление модальных слов обогащает речь с точки зрения эмотивности, экспрессивности и оценочности. Любое высказывание приобретает более определенный смысл, если при его осуществлении используются модальные слова. Роль этих языковых единиц в коммуникативном акте определяет возможность их применения при презентации точки зрения говорящего и необходимости оказать воздействие на адресата, который воспринимает высказывание.

В результате проведенного нами исследования, были сделаны следующие выводы:

- Модальные слова выделились как самостоятельная часть речи сравнительно недавно. Существует две точки зрения, устанавливающих, какие именно слова относить к модальным. Данная часть речи выделилась из имен существительных, глаголов, наречий, слов категории состояния, кратких прилагательных. Класс модальных слов и частиц в его современном виде представляет собою продукт сложных изменений грамматического строя русского языка. Он очень пестр по своему лексическому составу, по этимологической природе относящихся и тяготеющих к нему словесных элементов.
- Современными лингвистами рассматривается два вида модальности: объективная и субъективная. Для их выражения используются одни и те же языковые средства. Категория модальности соотносится с модальными словами посредством изрядов по значению.
- Модальные слова как языковые средства при презентации точки зрения говорящего и средства речевого воздействия на адресата в художественном тексте реализуются посредством субъективной модальности, отношений го-

ворящий-адресат. Субъективность говорящего (автора высказывания или текста) зависит от его отношения к адресату, что позволяет включить в понятийные координаты категории текстовой модальности художественного текста референтивную и субъективно-оценочную модальность.

- Одним из средств при презентации точки зрения говорящего в художественной речи являются модальные слова, выражающие субъективное отношение говорящего к высказыванию, придавать речи оттенки оценочности, эмотивности, экспрессивности. Модальные слова, употребляемые в художественной речи, помогают точнее выражать позицию автора высказывания, смысл сказанного.
- Речевое воздействие на адресата может реализовываться в художественных текстах. При этом объектами выступают как герои произведения, так и читатель. Одним из языковых средств воздействия являются модальные слова. Эти единицы речи помогают полнее и точнее выражать эмоции, мысли и чувства. Связь категории модальности, эмотивности, экспрессивности применительно к художественному тексту прослеживается в отношениях «автор-персонаж», «автор-читатель» и между персонажами.
- Принципы развития модального компонента речи, реализуемые на уроках русского языка в школе посредством разноплановых упражнений, оказывают существенное влияние на формирование коммуникативных умений школьников, способствуют развитию связной, выразительной речи, формируют навык презентации своей точки зрения и помогают реализовывать воздействие на адресата в процессе художественной речи.

На основании этих выводов мы можем констатировать, что гипотеза, изложенная в нашей работе, подтверждена: модальные слова, выступая как средства презентации точки зрения говорящего и воздействия на адресата, используются не только в разговорной, но и в художественной речи, сохраняя при этом свои функции.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта, 2006. – 496 с.
2. Базалина Е.Н. Художественный текст и модальность / Е.Н. Базалина // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д. – 2000. - №7. – С. 75-76.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 416 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
5. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В.Н. Бондаренко // Филологические науки. – 1979. - №2. – С. 56.
6. Бондарко А.В. К истолкованию семантики модальности // Язык, литература, эпос. – СПб., 2001. – С. 34-40.
7. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов. – М.: Просвещение, 1975. – 105 с.
8. Виноградов В.В. Избранные труды: исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1995. – 559 с.
9. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е издание. – М.: Русский язык, 2001. – 719 с.
10. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
11. Востоков А.Х. Русская грамматика / А.Х. Востоков. – М.: Едитория УРСС, 2011. – 246 с.
12. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Леприкон, 2009. – 144 с.
13. Греч Н.И. Практическая русская грамматика / Н.И. Греч. – Типография Императорского Санктпетербургского Воспитательного Дома, 1834. – 526 с.

14. Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка / И.И. Давыдов. – М.: Книга по требованию, 2012. – 575 с.
15. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2011. – 230 с.
16. Дешериева Т.И. Категория модальности в нанских и иноструктурных языках / Т.И. Дешериева. – М.: Наука, 1988. – 467 с.
17. Жукова Н.Ю. Принципы развития модального компонента речи младших школьников при изучении словообразования / Н.Ю. Жукова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова: Филологические науки. – 2012. - №1. – С. 87-94.
18. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Наука, 2004. – 544 с.
19. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис / И.И. Ковтунова. – М.: Наука, 1986. – 205 с.
20. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности / Г.В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1961. - №1. – С. 80-106.
21. Лагута О.Н. Логика и лингвистика / О.Н. Лагута. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – 147 с.
22. Лазуткина Е.М. К проблеме описания прагматических механизмов языковой системы / Е.М. Лазуткина // Филологические науки. – 1994. - №5-6. – С. 57-58.
23. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1996. - №1. – С. 80-89.
24. Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании / Ю.Г. Марков. – Новосибирск: Наука, 1982. – 239 с.
25. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – СПб.: Издание Жуковского, 1902. – 312 с.
26. Павлов В.М. Противоречие семантической структуры безличных предложений / В.М. Павлов. – СПб: Наука, 1998. – 186 с.

27. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1992. – 230 с.
28. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Е.В. Падучева. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 292 с.
29. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. - №4. – С. 37-48.
30. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
31. Паранук Л.Г. Языковые средства выражения модальности в разносистемных языках: дис. д-ра филол. наук. Краснодар, 2001.
32. Постовалова М.В. Картина мира в жизнедеятельности человека / М.В. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1999. – С. 8-69.
33. Разоренова Ю.А., Шилкова П.Е. Эмотивность как объект изучения лингвистики и психологии / Ю.А. Разоренова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XIII междунар. науч.-практич. конф. – Новосибирск: СибАК, 2015. - № 10 (53) – С. 33-40.
34. Рахимкулова Г.Ф. Морфология современного русского языка / Г.Ф. Рахимкулова. – М.: Феникс, 2009. – 284 с.
35. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография / Т.В. Романова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 309 с.
36. Смирницкий А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
37. Степанов Г.В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат) / Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1984. – 361 с.

38. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессии. – М.: Наука, 1991. – 300 с.
39. Туманова А.Б. Экспликация модусных смыслов в художественном дискурсе писателя-билингва: Монография / А.Б. Туманова. – Алматы: КазМТУ, 2006. – 209 с.
40. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И.И. Туранский. – М.: Высшая школа, 1990. – 173 с.
41. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
42. Шведова Н.Ю. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 789 с.

Источники фактического материала

1. Арсеньев В.К. Сквозь тайгу / В.К. Арсеньев. – М.: Мысль, 1972. – 400 с.
2. Ахматова А.А. Листики из дневника. Проза. Письма / А.А. Ахматова. – М.: АСТ, 2016. – 416 с.
3. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – М.: Алгоритм, 2016. – 496 с.
4. Газданов Г.А. Вечер у Клэр / Г.А. Газданов. – М.: Современник, 1990. – 592 с.
5. Гаршин В.М. Рассказы / В.М. Гаршин. – М.: Детская литература, 2011. – 253 с.
6. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки / Н.В. Гоголь. – М.: Белый город, 2017. – 352 с.
7. Гончаров И.А. Три повести / И.А. Гончаров. – М.: Центр книги Рудомино, 2012. – 336 с.
8. Достоевский Ф.М. Бесы / Ф.М. Достоевский. – М.: АСТ, 2015. – 768 с.

9. Достоевский Ф.М. Петербургские сновидения / Ф.М. Достоевский. – Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2013. – 192 с.
10. Леонов Л.М. Русский лес / Л.М. Леонов. – М.: Азбука, 2017. – 800 с.
11. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / М.Ю. Лермонтов. – М.: Азбука, 2011. – 224 с.
12. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго / Б.Л. Пастернак. – М.: АСТ, 2018. – 544 с.
13. Пильняк Б.А. Три брата / Б.А. Пильняк. – М.: Агентство ФТМ, 2013. – 21 с.
14. Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин. – М.: Эксмо, 2017. – 384 с.
15. Салтыков-Щедрин М.Е. Губернские очерки / М.Е. Салтыков-Щедрин. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1986. – 480 с.
16. Толстой А.Н. На рыбной ловле / А.Н. Толстой. – М.: Руконт, 1945. – 5 с.
17. Тургенев И.С. Записки охотника / И.С. Тургенев. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2018. – 544 с.
18. Чехов А.П. Иванов и другие / А.П. Чехов. – М.: Азбука-классика, 2010. – 512 с.
19. Шолохов М.А. Тихий Дон / М.А. Шолохов. – М.: Молодая гвардия, 1980. – Книга 2. – 1332 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Модель урока изучения модальных слов по программе «Русский язык» 8 класс (Разумовская М. М).

Тема: Модальные слова. Их роль в речи.

Цели урока:

- познакомить учащихся с понятием «модальные слова»;
- способствовать развитию умений интонационно правильно произносить предложения с модальными словами; правильно выделять модальные слова знаками препинания, определять их текстообразующую роль;
- развивать умение использовать модальные слова в речи;
- содействовать формированию интереса к русскому языку, эстетического отношения к произведениям художественной литературы и формированию нравственных ценностей.

Оборудование: карточки для индивидуальной работы, проектор, экран, таблица «Группы модальных слов».

Методы: исследовательский, письменный самоконтроль, выработка и совершенствование усвоенных навыков.

Тип урока: урок усвоения новых знаний.

Ход урока

1. Организационный этап.
2. Актуализация опорных знаний:
 - а) Синтаксический разбор предложений:

Данко бросился вперед, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

- Какие члены предложения могут обособляться? Вспомним условия обособления.

Работа по карточкам:

Карточка №1

1. Списать предложение, расставив и графически объяснив недостающие знаки препинания:

Батальон не замеченный противником зашёл в тыл и ворвался на вокзал.

Карточка №2

2. Списать предложение, расставив и графически объяснив недостающие знаки препинания.

Под облаками заливая воздух серебряными звуками дрожали жаворонки.

Карточка №3

3. Списать предложение, расставив и графически объяснив недостающие знаки препинания.

Тимирязев замечательны ботаник открыл законы жизни растений.

Орфографическая диктовка:

По моему проекту, сделать по-моему, поступить не по-товарищески, по зим-
нему пути, идти еле-еле, неожиданно - негаданно, давным - давно, точь-в-точь,
светло-зеленый, белокаменный, свежезамороженный, среднеевропейский.

3. Постановка темы и целей урока

- Лингвистическая сказка модальное слово «Говорят» (проецируется на экран):

Слово «говорят» как-то выделяется в предложении. Другие слова не имеют ни одной запятой, а ему положены целых две. И каждому понятно, что это - вполне заслуженно.

Слово «говорят» издавна славилось своими познаниями. О чём его ни спроси - всё известно. Оно охотно отвечает на любые вопросы.

Вас интересует, какая завтра погода?

Спроси у слова говорят, оно вам ответит точно и определённо:

Говорят, будет дождь.

Хотите знать, хороша ли вышедшая на экран кинокартина? И здесь к вашим услугам это замечательное слово:

Ничего, говорят, смотреть можно.

Всё знает слово «говорят», хотя само не является даже членом предложения. Неизвестно, почему его до сих пор не принимают. Может быть, потому, что главные места заняты Подлежащим и Сказуемым, а предлагать такому слову какое-нибудь второстепенное место просто неудобно.

Но и не являясь членом предложения, слово «говорят», как вы уже убедились, прекрасно справляется со своими обязанностями. Правда, частенько оно ошибается, иногда любят приврать, но его за это никто не осудит: ведь оно всегда модальное слово!

«О чём эта сказка? Как сформулировать тему урока? Назовите тему урока. С помощью слов «познакомиться» и «научиться» сформулируем цели урока».

4. Первичное усвоение новых знаний

Что вы узнали из сказки о модальных словах? По тексту сказки найдите опознавательные признаки модального слова «Говорят».

Вывод:

выделяется запятыми,

- интонация модальности,

- нельзя задать вопрос,

- можно опустить из предложения.

- Чтение правила на с. 174 учебника.

- Работа с таблицей «Группы модальных слов».

«Назовите основные группы модальных слов».

5. Проверка первичного усвоения материала:

а) упр. 361, с. 174 (устно).

«Прочитайте предложения, соблюдая интонацию модальности: паузы, понижение силы голоса, темп (более быстрое произношение модальных слов)».

б) Включить данные модальные слова в начало предложения ДОЖДЬ ПОЙДЁТ. Изменится ли смысл предложения в зависимости от использования модальных слов различного значения. Как? А интонация?

К счастью, конечно, по-моему, к сожалению, наверное.

6. Первичное закрепление изученного материала:

а) Лингвистический эксперимент:

упр. 362, с. 175.

«Сравните употребление слов казалось - казались. Какое из них модальное?

Обоснуйте ответ».

Учащиеся объясняют, как различать модальные слова, грамматически не связанные с предложением, и те же слова, выступающие в роли членов предложения.

б) Тестовые задания:

1. Найдите предложения, в которых есть модальные слова (знаки препинания не расставлены).

а) Навстречу нам шла шхуна должно быть в Тамань.

б) Что может быть более радостного чем делиться прекрасным!

в) Старуха очевидно рассказала о горящем сердце Данко.

г) Желание служить людям непременно должно быть потребностью души.

Ответ: а, в.

2. Какое предложение не содержит модального слова (знаки препинания не расставлены)?

а) Солнце чувствуется уже садится за вершины далёких строений.

б) По синему небу и обилию света чувствуется приближение весны.

в) Книга может быть наиболее сложное и великое чудо.

г) Товарищ почему - то не спал и по - видимому разыскивал меня.

Ответ: б.

7. Информация о домашнем задании, инструктаж по его выполнению:

- п. 59 с. 174-175 теоретический материал.

упр. 363, с. 175.

8. Рефлексия (подведение итогов урока)

- Составьте текст, используя следующие слова:

«На уроке я, во-первых, познакомился...

Во-вторых, научился...

В-третьих,...»

Таким образом, реализация процесса развития коммуникативных навыков учащихся возможна на примере изучения понятия о модальных словах, их функциях и классификации посредством усвоения теоретического материала и выполнения разного вида упражнений.